

**МАРКСОВ АНАЛИЗ «МЕХАНИЗМА»
СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
ЛОГИКИ ГЕГЕЛЯ**

Кандидат философских наук, доцент В. А. ВАЗЮЛИН

К. Маркс и Ф. Гегель — два великих имени, с которыми связаны крупнейшие, до настоящего времени не в полной мере освоенные и осознанные во всем их величии успехи диалектической логики, диалектического метода. Конспектируя гегелевскую «Науку логики», В. И. Ленин формулирует мысль, имеющую огромное значение для изучения материалистической диалектики: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 29, стр. 162). Таким образом, понимание всей логики Гегеля — необходимое условие творческого подхода к величайшему произведению, в котором дано наиболее глубокое и философское, и экономическое, и социально-политическое обоснование марксизма.

Для выполнения задачи, поставленной В. И. Лениным в программной статье «О значении воинствующего материализма», — глубокого переосмысления гегелевской диалектики с позиций материализма — многое сделано философами-марксистами. Но тем не менее еще многое предстоит осознать, особенно в связи с систематическим исследованием диалектики, логики «Капитала» как образца исследования и изложения диалектики, логики вообще.

Самые крупные достижения в философии Гегеля относятся к области диалектического метода. «...Именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии..., — писал Ф. Энгельс, — что она раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 21, стр. 275). Весьма определенно и высоко оцениваются К. Марксом заслуги Гегеля в разработке диалектики. «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» (там же, т. 23, стр. 22).

В гегелевской философии форма и уровень действительных достижений теснейшим образом связаны с ее принципиальными ограниченностями. И поэтому рассмотрение первых, невозможно, без изучения, последних и наоборот.

Коренная противоположность, существующая между методом марксизма-ленинизма и методом Гегеля, определяется в конечном счете противоположностью **их** социальных позиций, существенным различием в уровнях развития современной **им** материальной обществен-

ной практики и частных наук. (Подробнее об этом будет сказано ниже). Отрицание марксистской философией метода, логики Гегеля, как диалектическое отрицание, включает в себя в снятом виде сохранение всего действительно рационального во взглядах этого великого немецкого мыслителя.

Диалектический метод в философии Гегеля выступил как система диалектической логики, и вообще центр гегелевской философии — логика. Такой взгляд внутренне связан с принципом тождества мышления и бытия, трактуемого в качестве всеобщего и единственно верного. Гегелевское тождество мышления и бытия есть отождествление материи, бытия с мышлением на основе предшествующего отрыва их друг от друга. Вся материальная действительность оказывается у Гегеля лишь отчуждением сознания, мышления, в котором материя существует лишь через другое. Материальная действительность представляется лишенной самостоятельного существования, лишь видимостью, которая снимается в абсолютной идее. Естественно, что вопрос о специфике познания при таком подходе не встает. Речь может идти в лучшем случае о диалектике мышления, но подлинная диалектика познания здесь искажается, ибо она необходимо предполагает отношение субъекта к независимо от него существующему предмету.

Вместе с тем, если принцип тождества мышления и бытия освободить от идеализма, то он превращается в утверждение, что в мышлении имеются моменты совпадения его с бытием, с материальной действительностью. А это и характеризует именно специфику логики в отличие от теории познания: в логике истина предполагается данной, в теории познания исследуется соотношение отображающего и отображаемого. Конечно, поскольку логика не отрывается от теории познания, моменты гносеологического подхода проникают в самую логику. При отмеченном выше понимании тождества мышления и бытия сохраняются лишь отдельные, и притом рациональные, моменты гегелевской интерпретации. «Тождество» мышления и бытия оказывается только приемом выделения в сознании, бесспорно являющемся ничем иным, как осознанным бытием, момента абсолютного совпадения сознания с предметом. В противоположность Гегелю, эта сторона дела не понимается в виде единственной, оторванной от своей противоположности— от выделения моментов несовпадения, приблизительности, совпадения мышления с отображаемыми предметами. Названные здесь, противоположные стороны (совпадение и несовпадение мышления с отображаемыми предметами) не существуют и не могут существовать обособленно. И все-таки на различных этапах воспроизведения предметов выступает на первый план то одна из них, то другая. Изучение совпадения мышления о предмете с самим предметом при понимании того, что это есть лишь особое допущение, временная идеализация, один из противоположных приемов и что на следующей стадии названный прием выступит как снятый момент, позволяет выделить для анализа мышление в чистом виде.

Одна из великих заслуг Гегеля — впервые предпринятая им попытка развернуть, систематически исследовать всеобщие, необходимые, внутренние связи категорий логики. Внутренняя взаимосвязь логических категорий есть, по нашему мнению, сущность мышления, препарированная в чисто логическом аспекте, аналогично тому, как сущность человека есть совокупность общественных отношений. Логическая категория, изолированная от внутренней связи с другими логическими категориями, теряет свою сущность в качестве категории мышления, так же, как изолированный от общества человеческий индивид не обладает и человеческой сущностью.

Но позиция Гегеля была внутренне противоречива. С одной стороны, он ставил своей задачей выявление связи категорий, обнаруже-

ние перехода, перелива категорий друг в друга, их движения, развития, а с другой стороны, категории логики оказывались изначально данными, неисторическими, и значит, неподвижными. Признание изначально данности, неисторичности категорий и мышления в целом — необходимое следствие отрыва мышления, сознания от материальной действительности и превращения мышления в нечто самостоятельно существующее и целиком определяющее развитие материального бытия. При таком подходе современное философу мышление превращается в абсолюте, отсекается от действительных источников развития, от реальной основы, из которой оно развивается и с которой должно соотноситься, чтобы быть истинным, — от материальной общественной практики.

Этот принцип неизбежно влечет за собой при его последовательном применении искаженное понимание и истории мышления. Современное мышление со всеми его особенностями предстает как изначально данное и как венец развития. Вся история мышления выступает телеологически — в качестве ведущей именно и исключительно к современной эпохе ступени мышления. Качественные отличия различных исторических ступеней развития мышления стираются, исчезают из поля зрения особенности мышления, сознания прошедших исторических эпох. Частные науки оказываются всего лишь воплощением тех или иных логических категорий, и их развитие не может привести к появлению и обнаружению новых логических категорий.

Логика Гегеля вместе с ее ограниченностью и слабостями была исторически неизбежным в свое время явлением. В гегелевской философии во всеобщей форме воспроизводится определенная стадия господства стихийных социальных сил над людьми, причем с позиции тех людей, которые захвачены и увлечены этим процессом.

Отделение стихийно действующих социальных сил от человека в господство их над человеком, свойственное всем антагонистическим общественно-экономическим формациям, достигает своего апогея при капитализме. При этом капиталистические собственники отнюдь не становятся полными господами капитала, социальной силы, олицетворением, представителями и защитниками которых они служат. Капитал, т. е. исторически определенные социальные силы, действует по отношению к каждому отдельному капиталисту и к классу капиталистов в целом как сила, неподвластная контролю, что дает себя знать в анархии производства, в конкуренции и т. д. Производство, труд, отношения людей в процессе труда являются выражением сущности человека, отличающей его от животных. На этой ступени развития общества именно труд наемного рабочего есть исторически определенная и определяющая форма внутренней сущности человека. Производительное потребление рабочей силы и является созиданием капитала, т. е. враждебной человеку социальной силы; сущность человека является антагонистически противоречивой.

При капитализме враждебность социальных сил человеку получает полное развитие, приобретает практически, действительно, реально всеобщий, универсальный характер. Антагонизм развития сущности человека обнаруживается во всей своей полноте: «В буржуазной экономике—и в ту эпоху производства, которой она соответствует—это полное выявление внутренней сущности человека выступает как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс овеществления (*Vergegenständlichung*) —как полное отчуждение, а ниспровержение всех определенных односторонних целей—как принесение самоцели (т. е. всесторонности, целостности развития человека.— *B. B.*) в жертву некоторой совершенно внешней цели» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 476). Стихийно развивающиеся товарно-денежные отношения становятся всеобщими, подчиняют себе всю жизнь общества

только в условиях капитализма. Решающим обстоятельством при этом является превращение рабочей силы в товар, полный разрыв между производителями и средствами производства. В Экономических рукописях 1857—1859 гг. К. Маркса содержится весьма примечательная характеристика упомянутого разрыва: «В объяснении нуждается (или результатом некоторого исторического процесса является) не *единство* живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой и в силу этого присвоение ими природы, а *разрыв* между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью разившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала. В отношениях рабства и крепостной зависимости этого разрыва нет; но здесь одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим* и *природным* условием своего собственного воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам работник, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле» (К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 478). Впервые лишь при капитализме эксплуататор господствует над эксплуатируемым именно как социальным существом и выступает только как социальная сила, чуждая ему, а не как чуждая природная или социально-природная сила. Поэтому лишь капиталистическая общественно-экономическая формация дает возможность во всеобщей форме выразить господство общественных сил и отношений над людьми. (Представители буржуазного общества, поскольку они не видят или не желают видеть ограниченности буржуазной формы развития сущности человека, не могут не изображать положение дела в мистифицированном виде.

Современный Гегелю капитализм находился на завершающей стадии своего становления, противоречия капитализма в то время еще не развились полностью, рабочий класс Германии не мог еще подняться на самостоятельную политическую борьбу. Еще не созрели условия для реального, строго научного, материалистического понимания антагонизмов капитализма, путей и средств его упразднения, не созрели еще условия для строго научного взгляда на социальные силы, их происхождение, развитие, на соотношение этих сил и отдельных людей. При таких обстоятельствах существующее положение дел неизбежно казалось либо вечным и неизменным, либо воззрения на цели, средства, пути изменения общества в общем и целом не могли не быть утопическими.

Итак, объективно условия позволяли осознать в то время господство общественных сил над человеком лишь в абстрактно-всеобщей форме и одновременно не позволяли выйти за рамки или неисторического или утопического (или того и другого) взгляда на дело. Заслуга Гегеля, которую особенно подчеркивал К. Маркс, состояла в том, что он увидел в труде сущность, основу и источник становления и развития человека, хотя труд брался им лишь как теоретическая деятельность. Это была великая мысль, и для современных буржуазных гегельянцев мысль Гегеля о целесообразной деятельности как особенности человека в отличие его от животных была и есть *terra incognita*.

Однако, поскольку современное общество представлялось Гегелю неизменным, постольку социальные силы, господствующие над человеком и порабащающие человека, «родовая сущность» человека неизбежно выступали в качестве абсолютно самостоятельных по отношению к людям, а люди—в качестве теней этих социальных сил. Гегель по сути дела выявил (в общем виде) ту видимость, которая объектив-

но существует для члена буржуазного общества, но не сумел ее научно объяснить. При осознании данной ситуации с точки зрения идеалистически понятой логики «родовая сущность» человека оказывается сущностью вообще, всеобщим.

И противоречивость философии Гегеля есть, по нашему мнению, не что иное, как осознание противоречивости общественного прогресса, но осознание на том уровне, когда условия для преодоления этой противоречивости еще не созрели, осознание с позиции того субъекта, который чувствует себя в общем и целом удовлетворенным существующим положением вещей. Так как развитие социальных сил, родовой сущности человека все же происходит, хотя и антагонистически, то оно фиксируется в сознании, однако, как развитие изначально данной, самостоятельной всеобщности, сущности, господствующей над единичным, чувственным, эмпирическим. Последние же моменты кажутся существующими в качестве подчиненных, пассивных.

Гегелевская логика была обусловлена не только определенным уровнем материальной жизни общества, но и определенными событиями гражданской истории и политической жизни, а также определенным уровнем развития философии и частных наук. Создание логики как системы категорий и тем самым приближение философии к форме науки— вот главная цель Гегеля. «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее. Моим намерением было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*». (Гегель. Соч. т. IV, стр. 3). Такая цель не могла бы появиться, если бы науки не переживали период бурного роста, если бы частные науки не переходили от эмпирической стадии к теоретической, к изучению внутренних связей. В этом своем стремлении он опирался на установленную до него невозможность выведения логических категорий из индивидуального опыта (по отношению ко всем логическим категориям это впервые было сделано Кантом). Кантовский отрыв формы от содержания мышления, пустых логических категорий — от данных опыта, а последних—от вещи в себе, Гегель пытается преодолеть, оставаясь на позициях фактического отрыва мышления от бытия, от материи, и поэтому преодоление оказывается на самом деле мнимым: реальное содержание сводится к форме мышления, вещь-в-себе—к логическим категориям. Отличие предметного содержания от формы мышления, вещи-в-себе от логических категорий, хотя и констатируется, но констатируется и истолковывается в качестве лишь видимости.

Понимание того, что логические категории не выводятся целиком из индивидуального опыта, осознание внешнего характера кантовской классификации категорий, использование учения о спинозовской субстанции, в котором до известной степени были схвачены представления о мире, возникающие на первоначальном историческом этапе теоретической стадии развития наук, и фихтевского самосознания—вот важнейшие философско-теоретические источники гегелевских взглядов на мышление. Мышление изображалось как некая изначально данная, надличная, объективная, самодвижущаяся, саморазличающаяся субстанция, субстанция, сознающая себя.

Ф. Энгельс неоднократно указывал на наличие противоречия между диалектическим методом и идеалистической системой Гегеля и подчеркивал, что последовательное понимание диалектического метода несовместимо с идеалистической системой. Однако было бы неверно истолковывать это высказывание Ф. Энгельса как отрицание необходимости вообще всякой системы. Ни одна наука, достигшая более или менее зрелого состояния, не может не стать системой. Марксистский диалектический метод, будучи научным, также является методом, сто-

роны которого внутренне связаны, Ф. Энгельс в рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» считает замечательной попытку Гегеля развить науку в ее внутренней связи. Впервые на истинной основе развил целую науку (политическую экономию) в ее внутренней связи К. Маркс. Исследовать науку в ее внутренней связи и значит представить ее систематически, но, естественно, не как абсолютно законченную. В логике Гегеля следует различать абсолютно законченную, идеалистическую систему, которая должна быть подвергнута критике и отброшена, и гениальную попытку изобразить логические категории в их внутренней связи и в этом смысле систематически.

Из частных наук на логику Гегеля наибольшее влияние оказала буржуазная классическая политэкономия.

Классики буржуазной политической экономии открыли, что капитал есть накопленный труд, что капиталистическое богатство создается трудом. Уже Смит выявил, что труд вообще—это источник возрастания богатства. Д. Рикардо принял в качестве исходного принципа закон стоимости и стремился объяснить (неудачно) из труда, создающего стоимость, из труда вообще все явления капиталистической экономики. Но классики буржуазной политэкономии не поняли и не могли понять, не сбросив с себя «буржуазной кожи» (К. Маркс), что труд только в определенной, исторически преходящей форме образует капитал. Это не позволило им, в том числе и Рикардо, последовательно отделить труд, образующий стоимость, от труда, образующего потребительную стоимость. Определенный исторически преходящий характер труда сливался в их сознании с трудом как отношением людей к природе, как деятельностью по преобразованию предметов природы, или иначе говоря, с деятельностью опредмечивания.

Гегель воспринял взгляды буржуазных экономистов и, с одной стороны, обобщил и развил их философски, а с другой стороны, развил их в еще более мистифицированном виде, нежели тот, в каком они существовали у буржуазных экономистов. Представление о категории труда как исходной для объяснения экономических явлений было осмыслено им во всемирно-историческом плане и приобрело более глубокое и широкое содержание: труд является процессом созидания человеком самого себя, процессом самопорождения человека. Однако, если буржуазные экономисты рассматривали труд материальный, то Гегелем он был истолкован извращенно, сведен к духовно-абстрактному труду. Подобно буржуазным экономистам Гегель видит только положительную сторону труда: у буржуазных экономистов такой стороной являлась способность труда увеличивать богатство (специфически капиталистическое богатство сливалось в их сознании с богатством человеческого общества вообще), у Гегеля — способность абстрактного труда созидать «родовую сущность» человека. Подобно буржуазным экономистам Гегель не понял антагонистического характера труда при капитализме, при наличии частной собственности. Труд — это всегда деятельность с предметами, опредмечивание (созидание новых предметов) и распредмечивание (освоение человеком предметов) и только. Оставаясь в основном на этой неисторической, метафизической -позиции, Гегель совершенно закономерно отождествляет исторически преходящую, современную ему антагонистическую форму и- ступень развития труда с трудом вообще, или, иначе говоря, *отождествляет отчуждение и опредмечивание*. По сравнению с классиками буржуазной политэкономии Гегель делает шаг вперед (он ставит вопрос об упразднении отчуждения) и в то же время этот шаг настолько у него мистичен, что он оказывается и шагом назад: устранение отчуждения при метафизическом взгляде на труд могло быть упразднением предметности как таковой, что вообще невозможно.

Преодоление коренных ограниченностей метода, логики Гегеля стало возможным только с позиций рабочего класса, непримиримого ко всем типам и формам эксплуатации, лишь с позиций бесстрашной, до конца последовательной борьбы с общественным устройством, в котором господство и враждебность социальных сил человеку достигло наивысшего развития.

В противоположность Гегелю, К. Маркс отнюдь не сводит диалектику к диалектике познания и мышления, науку диалектики к гносеологии и логике. И это обусловлено самой сутью диалектического и исторического материализма: диалектика познания, мышления отчасти тождественна диалектике материального мира, но она и отлична от нее.

В противоположность Гегелю, К. Маркс не сводит познание к одному лишь мышлению. Гегелевское отождествление познания с мышлением было необходимо связано с пониманием сущности в качестве изначальной, абсолютно самостоятельной, оторванной от бытия и полагающей его в качестве тождественной категории сущности. Действительное начало (и конец) в философии Гегеля — абсолютно самостоятельное мышление.

Гегель хотя и принимает во внимание чувственное познание, но низводит его до положения познания недействительного, которое вводится только в качестве необходимой и тем не менее недействительной предпосылки чистого мышления, которое восходит от абстрактного к конкретному. В самом восхождении от абстрактного к конкретному чувственное познание, движение познания от чувственно данных предметов к абстрактному мышлению сохраняется, но лишь как такой момент, который совершенно лишен самостоятельного значения и влияния на процесс восхождения.

К. Маркс в противоположность Гегелю доказал, что восхождение от абстрактного к конкретному необходимо предполагает объект, независимый от теоретически осваивающей головы, данный ей первоначально в чувствах, в живом созерцании. Чувственное познание — необходимая и действительная предпосылка мышления. Кроме того, мышление, восходящее от абстрактного к конкретному, чтобы быть действительным, в каждом своем шаге должно соотноситься с предметом, данным в чувствах, в живом созерцании, и изменяться соответственно предмету. Отсюда следует признание чувственного познания в качестве действительного, имеющего самостоятельное значение, воздействующего на ход и Характер мышления. К. Маркс восстанавливает чувственное познание в его правах, попорченных Гегелем, но делает это иначе, нежели Л. Фейербах. Фейербах придал чувственности реальное значение, но вместе с тем оказался ниже Гегеля в понимании мышления и сущности человека.

Коренная противоположность взглядов К. Маркса и Гегеля (при наличии, разумеется, определенной преемственности) сохраняется и тогда, когда логика Гегеля *сравнивается с логикой* К. Маркса. В философии Гегеля, с одной стороны, познание сводилось к мышлению, к логике, с другой стороны, Гегелем был угадан принцип расположения логических категорий соответственно их появлению в процессе познания и предпринята попытка реализовать его в своей системе логики. Устранение сведения познания к мышлению открывает дорогу для сознательной и последовательной опоры на принцип выведения логических категорий в той последовательности, в какой они появляются в развитии познания»—Выделение мышления в чистом виде под углом зрения марксистской логики с самого начала предполагает осознание и учет того обстоятельства, что действительное мышление в таком виде не существует, что дальнейшее исследование должно раскрыть его в качестве момента познания, воспроизводящего развитие материальных

предметов на основе и в ходе материальной общественной практики.

Кроме того, логика К. Маркса есть не логика вообще, не логика абсолютной идеи, а логика отображения в категориях определенного исторически возникающего, формирующегося, развивающегося и гибнущего предмета, предмета, который сам является степенью развития, которому предшествует менее развитый и за которым следует более развитый предмет, процесс.

Если у Гегеля стороны противоречия примиряются в «основании» и тем самым увековечиваются «сущность», то в логике Маркса противоречие в основании трактуется как достигшее наивысшей внутренней напряженности, так что оно обуславливает гибель данной сущности. Если у Гегеля противоположные стороны различаются на активную и пассивную лишь в сфере непосредственности (качество—пассивная, количество—активная сторона, выводящая за пределы данного качества), и это различие исчезает, как только Гегель переходит к сфере сущности, то в логике К. Маркса необходимо, по нашему мнению, выделить активную и пассивную стороны и в сфере сущности: пассивной является тождество, единство, активной — различие, противоположность, противоречие. Итак, в противоположность Гегелю, Маркс, как нам думается, рассматривает последовательно: диалектически также и сферу сущности.

Перечисление даже самых существенных отличий логики К. Маркса от логики Гегеля потребовало бы много времени. Действительное понимание преемственности и вместе с тем коренной противоположности логики К. Маркса и логики Гегеля возможно лишь при систематическом, детальном исследовании и скрупулезном сопоставлении логики «Капитала» и «Науки логики» Гегеля.

Логика К. Маркса со всеми ее особенностями могла возникнуть и возникла тогда, когда созрели противоречия капитализма, когда рабочий класс начал самостоятельную политическую борьбу, когда созрели во всемирно-историческом масштабе возможности устранения господства социальных сил над человеком. Только тогда социальные силы могли быть поняты не как сверхестественные, мистические силы, а как силы человека, как сущность человека, порабощение же этими силами людей—в качестве, исторически преходящей ступени развития человечества. Только тогда и в логике категория сущности и другие категории могли быть поняты в их реальном содержании.

Развитие диалектической логики в настоящее время невозможно без полного освоения рациональных моментов логики Гегеля и сокровищ логики К. Маркса, содержащихся прежде всего в «Капитале».

*Кафедра истории
м.арксистско-ленинской философии
философского факультета
Московского государственного
университета
им. М. В. Ломоносова*